

УДК 001.4:81'373.2

О КООРДИНИРОВАНИИ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

© 2014 г.

Н.В. Васильева

Институт языкознания РАН, Москва

vasileva-natalia@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.02.2014

Рассматриваются два вида (этапа) координирования ономастической терминологии: лексический (ориентированный на отдельные терминологические единицы) и лексикографический (ориентированный на словарь как способ представления специального знания). Анализируются «подводные камни» координирования ономастической терминологии, затрудняющие этот процесс на обоих этапах. Обсуждаются парадоксы интернационализации терминологии ономастики, приводящие к терминологическим экзотизмам. Формулируются теоретические и прикладные задачи, актуализирующие создание международного словаря ономастической терминологии.

Ключевые слова: терминология ономастики, координирование терминологии, «обратное калькирование», интернациональные терминологические элементы, словарь ономастической терминологии.

Ономастическая терминология является частью лингвистической терминологии, однако частью весьма специфической. Как правило, лишь малое количество ономастических терминов включается в словари общелингвистической терминологии (своего рода «терминологический минимум» в виде терминов *ономастика*, *топоним*, *гидроним*, *антропоним* – и то не всегда). Большинство ономастических терминов носит узкоспециальный характер и находит отражение лишь в соответствующих специализированных словарях, ср. «Словарь русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской [14]. Пристальное внимание к ономастической терминологии началось, по мнению самих ономастологов, со второй половины XX в. «в связи с активизацией изучения проблем общей теории ономастики» [4, с. 5]. Это внимание выразилось как в появлении и распространении новых терминов (ср. *прагматоним*, *геортоним*, *батоним*, *артионим*, *библионим* и др.), так и в необходимости наступающей вслед за этим эпохе терминологической рефлексии. В 2007 г. увидели свет результаты анкетирования, проведенного Э. Каффарелли и М. Гарваликом среди ономастологов разных стран [18]. Публикация продемонстрировала озабоченность ученых разнообразием терминологических неологизмов, для которых с трудом находят соответствия в других языках.

В настоящей статье мы остановимся на причинах терминологического своеобразия современной ономастики, вызывающего к жизни острый вопрос о координировании терминологии, на различных этапах координирования, а также на некоторых «подводных камнях» этого

процесса. Координирование терминологии, или ее упорядочение, является, как это хорошо известно терминологам и терминоведам, наиболее важным звеном терминологической деятельности. Для гуманитарных наук, внеположных стандартизации, упорядочение терминологии является по существу конечным этапом этой деятельности.

Одной из причин, вызывающей терминологическое многообразие ономастики, является специфика самого ономастического знания, направленного – особенно в последнее время – на обнаружение новых разрядов собственных имен и на их описание. Такое описание нуждается в этикетировании объектов, в необходимом разграничении их на уровне метаязыка, которое стремится быть все более дробным. Необходимую языковую поддержку и опору когнитивная процедура классификации получила в виде терминологической модели, успешно функционирующей в метаязыке ономастики много десятилетий. Речь идет о терминологической модели с категориальным компонентом *-оним* (от греч. *опота* ‘собственное имя’) и сложившейся традиции создания терминов по этой модели на базе греко-латинских терминологических элементов.

Способ терминологического образования на базе греко-латинских терминологических элементов был в свое время В.П. Григорьевым удачно назван «обратным калькированием» [5]. В.П. Григорьев продемонстрировал механизм обратного калькирования на примере термина И.И. Мечникова *фагоцит*. Сначала в сознании термилирующего субъекта формируется исходное сочетание слов родного языка, обозначающих наиболее важные признаки (в данном случае это «поглощающая клетка»), а затем полученное словосочетание переводится

(«калькируется») на греческий или латинский язык: 'поедающий' → греч. *phagos* и 'клетка' → греч. *cythos*. Завершающим этапом является создание цельнооформленной лексической единицы, которая «соответствующим образом транслитерируется и произносится» [5, с. 70–71].

Однако если задуматься, то в полном варианте «обратное калькирование» осуществляется лишь в том случае, когда создается абсолютно новый термин-компонитум. Если на базе удачно созданного термина возникает терминологическая модель, то процедура «обратного калькирования» сокращается вдвое: свобода терминования сводится лишь к заполнению пустой клетки модели при наличии готового каркаса, который и определяет структурную мотивированность целого термина [2, с. 72]. Терминологическая ситуация в современной ономастике наглядно демонстрирует этот принцип: в силу сложившегося терминологического узуса ономастолог уже не может избежать модели на *-оним* для обозначения разновидности собственного имени, но имеет, однако, относительную свободу в выборе первого компонента. Например, для обозначения собственного имени острова можно выбрать один из двух вариантов: либо *несоним* < греч. *nēsos* 'остров', либо *инсулоним* < лат. *insula* с тем же значением. Также для обозначения собственного имени моря – либо вариант *пелагоним* < греч. *pelagos* 'море, морской простор' (такой термин существует), либо **талассоним* < греч. *thalassa* 'море'.

Из-за подобных вариантов возникает номинативная пестрота и потребность в координировании, особенно на межъязыковом уровне. Международный ономастический совет (International Council of Onomastic Sciences – ICOS) создал в 2004 г. специальную Терминологическую группу, которая разработала и опубликовала на сайте ICOS базовые списки терминов на английском, немецком и французском языках (<http://www.icosweb.net/index.php/terminology.html>). Координирование терминологии, согласно мнению Терминологической группы ICOS, это не унификация, а такое упорядочение, которое делает возможным сопоставление с терминосистемами на других языках [4, с. 8–9]. Таким образом, ономастическую терминологию можно представить как своеобразный полигон для оттачивания методов координирования в гуманитарных науках. И здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда узким специалистам явно нужна помощь терминолога.

Можно выделить два этапа и/или направления в координировании терминологии такого типа, как ономастическая. Первый можно условно назвать лексическим, второй – лексико-

графическим. Для первого направления характерны следующие признаки.

1. Ориентированность на отдельные термины, а не на терминологическую модель в целом или на терминологическую подсистему.

2. Пристальное внимание к процедуре «обратного калькирования», поиск наиболее точной «этимологической дефиниции» – того словосочетания, для которого подбираются интернациональные термноэлементы [22, с. 299; 3]. Как правило, доминирует установка на гомогенность термноэлементов (греческий+греческий или латинский+греческий), хотя в русской ономастической терминологии в настоящее время появляются и структурно негомогенные термины, ср. *фильмоним*, *парфюмоним*, *алконим*.

3. Учет эстетических факторов.

а) эвфонический фактор. Например, для собственного имени какого-либо события (реформа, война, стихийное бедствие и пр.) в конце 90-х гг. XX в. появились два этимологически оправданных, но фонетически тяжелых термина: *Symbantonum* – *симбантоним* (от греч. *symban*, *symbantos* 'событие' + *-оним*) и *Phänomenonum* – *феноменоним* (от греч. *phainomenon* 'явление' + *-оним*) [17, с. 624]. Преимущество в итоге получил более благозвучный латинско-греческий термин *эвентоним* (от лат. *eventum* 'событие' + *-оним*), автором которого является П. Донец [19];

б) избегание нежелательных ассоциаций. Например, в русской ономастической терминологии для обозначения собственного имени объекта на планете Венера принят термин *венусоним* [14, с. 45] с первым компонентом в форме именительного падежа латинского имени богини *Venus*, а не в виде основы генитива этого имени *Vener-* (**венероним*).

Второе направление в координировании ономастической терминологии – лексикографическое – представляет собой следующую фазу координационного процесса, которой свойственна ориентированность не на отдельные термины, а на понятийную систему в целом. Здесь особенно важен учет позиции термина в терминосистеме, т.е. хорошо известной формулы «зная место в системе, знаешь термин; зная термин, знаешь место в системе», впервые высказанной Н.В. Юшмановым в его «Грамматике иностранных слов» в 1937 г. [16, с. 703]. Отсюда следует, что координирование терминологии на завершающем этапе невозможно без учета семантических отношений между терминами – тезаурусного принципа описания и представления терминологии, о котором писали Р.Ю. Кобрин [8, 9] и С. Е. Никитина [10, 11].

Далее остановимся на некоторых подводных камнях первой и второй фаз процесса координирования ономастической терминологии.

1. Как ни парадоксально, но именно в интернациональном облике ономастических терминов кроются затруднения для координирования. Связано это с тем, что из интернационального лексического фонда разными учеными извлекается одинаковое слово, но при создании термина, т. е. в процессе «обратного калькирования», используются разные лексико-семантические варианты или разные оттенки значения этого слова. Именно таким образом в ономастических системах славянских языков произошло размежевание по термину *хремадоним*, см. определение этого термина в словаре «Основная система и терминология славянской ономастики»: «Собственное имя вещи, созданной человеком, не прикрепленной к данной территории: а) собственное имя общественного явления (праздника и т. п.), б) собственное имя общественного института, в) собственное имя предмета или продукта: аа) единичной продукции (пароход, колокол, картина), бб) серийный автомобиль, мотоцикл, пишущая машинка, косметический препарат и т. д. [13, р. 118]. В словаре Н.В.Подольской *хремадоним* определяется как «собственное имя уникального предмета материальной культуры, произведенного или добытого руками человека, в том числе название оружия, музыкального инструмента, ювелирного изделия, предмета утвари, драгоценного камня» [14, с. 146]. Первый компонент этого термина образован от греч. слова *chrēma, chrēmatos* ‘вещь, предмет или дело’ [6]. Но поскольку это слово является производным от глагола *chraomai* ‘пользоваться, употреблять, применять’, ‘предаваться (чему-л.), заниматься’ (ibid.), то глубинная семантика существительного *chrēma* связана с этими смыслами. Так получилось, что в русской традиции *хремадоним* стал термином для собственного имени вещи в предметном смысле («Шапка Мономаха»), а у западных славян «вещь» получила самое широкое понимание всего, чем пользуется человек; поэтому *хремадоним* в этой терминологической традиции обозначает собственные имена и артефактов, и институций, и общественных явлений [21]. В канадской ономастической терминологии *chrématonymes* считаются собственными именами транспортных средств [20], что очень удивляет европейских ономастологов, ср. [4, с. 7].

2. Определенную трудность для координирования ономастической терминологии представляют собой «терминологические резервации» – очень специфические индивидуальные терминосистемы. Например, терминосистема украинского филолога Андрея Александровича Белецкого (1911–1955). Будучи филологом-классиком, т. е. большим знатоком древних языков, он построил свою терминосистему на элементах, максимально точно воспроизводящих значение того словосочетания, которое

подвергается «обратному калькированию». Для фамилий А.А.Белецкий создает термин *анхистоним*, для личного имени – *просопоним*, для имен группы людей – *койноним*, для названия жителей одного поселения – *паройконим* [1]. *Анхист(о)-, просоп(о)-* и многие другие – это морфемоиды-уникаты, кандидаты в словарь уникальных морфем [15], а составленные с этими компонентами термины – термины-экзотизмы, не выходящие за пределы авторской терминосистемы. Однако это лишь часть проблемы. Здесь интересно другое. Что бросается в глаза при сравнении терминов Белецкого с общепринятыми в ономастике терминами? Прежде всего то, что одинаковые по форме термины имеют разное значение: у Белецкого *эргоним* (от греч. *ergon* ‘дело, труд, результат труда’) означает собственное имя произведения литературы и искусства («Война и мир», «Последний день Помпеи», «Лунная соната»), в то время как общепринятый и популярный сейчас термин *эргоним* означает собственные названия деловых объединений людей (завод «Серп и молот», фирма «Рога и копыта»). Это действительно разные термины, и разница в значении здесь для всех очевидна. Но есть еще латентные различия, которые проявляются в том, что одинаково звучащие и обозначающие одни и те же понятия термины занимают разную позицию в терминосистеме, т. е. имеют разные гиперонимы и гипонимы. Так, *топоним* Белецкого имеет в качестве родового термина *монадоним* (имя отдельного объекта), а *этноним* имеет в качестве гиперонима *койноним* (имя группы людей). Авторская система ономастических терминов А.А. Белецкого не получила признания у филологов. Однако, по справедливому замечанию И.А. Казимировой, она заслуживает своего места в историческом словаре ономастической терминологии, конечно, не как замена привычных терминов, а как свидетельство большого номинативного потенциала ономастической терминологии [7, с. 411].

3. Нежелательный эффект при координировании ономастической терминологии возникает при сбоях в категориальном значении терминологической модели. Это достаточно редкое явление, однако мы обнаружили его в одной из частотных моделей терминов, а именно: в модели с компонентом *-онимия*. Наряду с моделью *N+оним*, которая является для ономастики базовой и имеет категориальное значение ‘вид собственного имени/собственного наименования, специфицированный первым компонентом’, существует соотносимая с ней модель *N+онимия* ‘совокупность собственных имен, специфицированных первым компонентом’: *топоним – топонимия, антропоним – антропонимия*. Модель является продуктивной – практически от каждого вида онимов можно образовать термин, означающий их совокупность

(прагматоним – прагматонимия, фалероним – фалеронимия и т. д.). Однако в англоязычной терминосистеме ономастики произошел сбой в категориальном значении этой модели; термины *patronymy* ‘патронимия’ и *matronymy* ‘матронимия’ означают не совокупность патронимов гесп. матронимов, а принцип проприальной номинации, когда ребенок получает имя, производное от имени отца (патронима) или матери (матронима) [24].

Поскольку завершающим этапом координации ономастической терминологии должно в идеале стать создание международного словаря ономастической терминологии, перечислим в заключение причины, по которым создание такого словаря является актуальной задачей. Прежде всего, это интернационализация научного пространства – как очевидная (английский как язык конференций и публикаций), так и не столь очевидная. Пример последней – метаязыковая ситуация в немецкой ономастике. Немецкие ученые, представляющие одну из самых развитых ономастических наук мира, пишущие на языке, который позволяет облечь каждое ономастическое понятие в национальную одежду (компонитум с компонентом *–name*, ср. топоним – *Ortsname*, антропоним – *Personenname*, ороним – *Bergname* и т. п.), с конца 90-х гг. XX в. стали активно употреблять ономастические термины на греко-латинской основе. Об этом наглядно свидетельствуют статьи на немецком языке в двухтомном международном компендиуме по ономастике, вышедшем в 1996 г. [23].

С созданием международного словаря ономастической терминологии появляется возможность решения не только сугубо прикладных (преодоление языковых барьеров), но и теоретических задач. К одной из таких задач в ономастике можно отнести составление когнитивной карты этой науки. Для ономастики возможность применения понятия когнитивного картирования связано, на наш взгляд, не с концептами и фреймами, как это в настоящее время принято в терминоведении [12], а с членением объекта исследования и с последующей классификацией. Вопрос о классификации объекта исследования в ономастике напрямую связан с координированием ономастической терминологии. Поэтому международный словарь ономастической терминологии видится нам в форме тезауруса с максимально возможным списком семантических отношений, специально разработанным с учетом специфики данной области знания.

Список литературы

1. Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев.: Изд-во Киев. ун-та, 1972. 208 с.
2. Васильева Н.В. К семантическому и функциональному описанию греко-латинских терминологических

ментов в лингвистической терминологии // Вопросы языкознания. 1983. № 3. С. 71–79.

3. Васильева Н.В. Этимологическая дефиниция в терминологии // Научно-техническая терминология. М., 1990. Вып. 4. С. 27–30.

4. Гарвалик М. К вопросу о современной ономастической терминологии // Вопросы ономастики. 2007. № 4. С. 5–13.

5. Григорьев В. П. Так называемые интернациональные сложные слова в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1959. № 1. С. 65–78.

6. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. II. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. С. 1781, 1783–1784.

7. Казиминова І.А. Ономастична терміносистема А. О. Білецького в сучасній термінографії // Українська лексикографія в загальнослов'янському контексті: теорія, практика, типологія. – Київ: Вид. Дім Дмитра Бураго, 2011. С. 406–411.

8. Кобрин Р.Ю. О формальных критериях терминологичности и методологическом обосновании работ по унификации и стандартизации терминологии // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С.174–181.

9. Кобрин Р.Ю. Лингвистическое описание терминологии как база концептуального моделирования в информационных системах: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Горький, 1989.

10. Никитина С.Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике (автоматическая обработка текста). М.: Наука, 1978. 376 с.

11. Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки: На материале лингвистики. Изд. 2-е стереотип. М.: УРСС, 2014. 146 с.

12. Новодранова В.Ф. Когнитивная карта науки: Материалы Междунар. конгресса по когнитивной лингвистике. Тамбов, 2006. С. 69–70.

13. Основен систем и терминологија на словенската ономастика. Основная система и терминология славянской ономастики. Grundsystem und Terminologie der slawischen Onomastik. Скопје, 1983. 412 p.

14. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

15. Рацибурская Л.В. Словарь уникальных морфем современного русского языка. М.: Флинта: Наука, 2009. 160 с.

16. Юшманов Н.В. Грамматика иностранных слов // Словарь иностранных слов. М., 1937. С. 689–723.

17. Brendler A., Brendler S. Naturereignisnamen // Namenarten und ihre Erforschung. Ein Lehrbuch für das Studium der Onomastik. Hamburg: Baar. 2004. S. 623–653.

18. Caffarelli E., Harvalik M. Onomastic terminology: an international survey = Terminologia onomastica: un'inchiesta internazionale // Rivista Italiana di Onomastica. 2007. 8 (1). P. 181–220.

19. Donec P. N. Zum Begriff des Eventonyms // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch der GUS. Moskau: Metatext. 2002. S. 35–42.

20. Dorion H., Poirier J. Lexique des termes utiles à l'étude des noms de lieux. Québec: Presses de l'Université Laval, 1975. 162 p.

21. Knappová M. Namen von Sachen (Chrematonymie) II // Namenforschung: Ein Internationales Hand-

buch zur Onomastik. Bd. II. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1996. S. 1567–1572.

22. Lurquin J. La néonymie scientifique et technique // Terminologie for the eighties: with a special section 10 years of Infoterm. München; New York; Paris: Saur, 1982. 412 p. [Infoterm Series 7].

23. Namenforschung. Name Studies. Les noms propres. Ein internationales Handbuch zur Onomastik

/E. Eichler, G. Hilty, H. Löffler, H. Steger, L. Zgusta (Hrsg.). Bd. I- II. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1996.

24. Zgusta L. Names and Their Study // Namenforschung. Name Studies. Les noms propres. Ein internationales Handbuch zur Onomastik /E. Eichler, G. Hilty, H. Löffler, H. Steger, L. Zgusta (Hrsg.). Bd. II. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1996. S. 1876–1890.

ON THE COORDINATION OF ONOMASTIC TERMINOLOGY

N.V. Vasilyeva

The paper deals with some aspects of terminological coordination in onomastics. Two approaches (phases) are analyzed: the lexical and the lexicological one. The former focuses on the term as a lexical unit, the latter on specialized dictionaries as special knowledge representation models. Some «pitfalls» on the way to the internationalization process in onomastic terminology are analyzed in connection with the creation of the international glossary of onomastic terms, which is one of the most urgent problems in onomastics today.

Keywords: onomastic terminology, coordination of terminology, «reverse calquing», Greek and Latin term elements, international glossary of onomastic terms.

References

1. Beleckij A. A. Leksikologiya i teoriya yazykoznaniya (onomastika). Kiev.: Izd-vo Kiev. un-ta, 1972. 208 s.

2. Vasil'eva N.V. K semanticheskomu i funkcion-al'nomu opisaniju greko-latinskih termino-ehlementov v lingvisticheskoj terminologii // Voprosy yazykoznaniya. 1983. № 3. S. 71–79.

3. Vasil'eva N.V. Ehtimologicheskaya definiciya v terminologii // Nauchno-tehnicheskaya terminologiya. M., 1990. Vyp. 4. S. 27–30.

4. Garvalik M. K voprosu o sovremennoj onomasticheskoj terminologii // Voprosy onomastiki. 2007. № 4. S. 5–13.

5. Grigor'ev V. P. Tak nazывaemye internacional'nye slozhnye slova v sovremennom russkom yazyke // Voprosy yazykoznaniya. 1959. № 1. S. 65–78.

6. Dvoreckij I.H. Drevnegrechsko-russkij slovar'. T. II. M.: Gos. izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovar'ej, 1958. S. 1781, 1783–1784.

7. Kazimirova I.A. Onomastichna terminosistema A. O. Bilec'kogo v suchasnij terminografii // Ukraïns'ka leksikografiya v zagal'noslov'yans'komu konteksti: teoriya, praktika, tipologiya. – Kii'v: Vid. Dim Dmitra Burago, 2011. S. 406–411.

8. Kobrin R.Yu. O formal'nyh kriteriyah terminologichnosti i metodologicheskom obosnovanii rabot po unifikacii i standartizacii terminologii // Problematika opredelenij terminov v slovaryah raznyh tipov. L., 1976. S. 174–181.

9. Kobrin R.Yu. Lingvisticheskoe opisanie terminologii kak baza konceptual'nogo modelirovaniya v informacionnyh sistemah: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Gor'kij, 1989.

10. Nikitina S.E. Tezaurus po teoreticheskoj i prikladnoj lingvistike (avtomaticheskaya obrabotka teksta). M.: Nauka, 1978. 376 s.

11. Nikitina S.E. Semanticheskij analiz yazyka nauki: Na materiale lingvistiki. Izd. 2-e stereotip. M.: URSS, 2014. 146 s.

12. Novodranova V.F. Kognitivnaya karta nauki: Materialy Mezhdunar. kongressa po kognitivnoj lingvistike. Tambov, 2006. S. 69–70.

13. Osnoven sistem i terminologija na slovenskata onomastika. Osnovnaya sistema i terminologiya slavyanskoj onomastiki. Grundsystem und Terminologie der slawischen Onomastik. Skopje, 1983. 412 p.

14. Podol'skaya N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Nauka, 1988. 192 s.

15. Raciburskaya L.V. Slovar' unikal'nyh morfem sovremennogo russkogo yazyka. M.: Flinta: Nauka, 2009. 160 s.

16. Yushmanov N.V. Grammatika inostrannyh slov // Slovar' inostrannyh slov. M., 1937. S. 689–723.

17. Brendler A., Brendler S. Naturereignisnamen // Namenarten und ihre Erforschung. Ein Lehrbuch für das Studium der Onomastik. Hamburg: Baar. 2004. S. 623–653.

18. Caffarelli E., Harvalik M. Onomastic terminology: an international survey = Terminologia onomastica: un'inchiesta internazionale // Rivista Italiana di Onomastica. 2007. 8 (1). P. 181–220.

19. Donec P. N. Zum Begriff des Eventonyms // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch der GUS. Moskau: Metatext. 2002. S. 35–42.

20. Dorion H., Poirier J. Lexique des termes utiles à l'étude des noms de lieux. Québec: Presses de l'Université Laval, 1975. 162 p.

21. Knappová M. Namen von Sachen (Chrematonymie) II // Namenforschung: Ein Internationales Handbuch zur Onomastik. Bd. II. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1996. S. 1567–1572.

22. Lurquin J. La néonymie scientifique et technique // Terminologie for the eighties: with a special section 10 years of Infoterm. München; New York; Paris: Saur, 1982. 412 p. [Infoterm Series 7].

23. Namenforschung. Name Studies. Les noms propres. Ein internationales Handbuch zur Onomastik /E. Eichler, G. Hilty, H. Löffler, H. Steger, L. Zgusta (Hrsg.). Bd. I- II. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1996.

24. Zgusta L. Names and Their Study // Namenforschung. Name Studies. Les noms propres. Ein internationales Handbuch zur Onomastik /E. Eichler, G. Hilty, H. Löffler, H. Steger, L. Zgusta (Hrsg.). Bd. II. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1996. S. 1876–1890.